

Е. С. Ступина (г. Нижний Новгород, Россия)

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
МЕХАНИЗМ ДЕШИФРАЦИИ РИТОРИЧЕСКОГО КОДА**

Статья посвящена анализу того, как моделируются под влиянием языковой игры риторические коды в политическом произведении. Специфика риторического кода как системы знаков, формирующей чувственное восприятие речи, обусловлена риторической задачей говорящего. Актор, кодируя информацию, адресует ее реципиенту. Воспринимающая сторона, дешифруя сообщение, ориентируется на комбинации знаков в коде. Часто языковая игра становится одним из знаков кода. В речи реципиент обращает внимание на несоответствие системе языка, выявляет логически некорректный смысл и включается в языковую игру.

Ключевые слова: *риторический код, ирония, контраст, аллюзия, языковая игра.*

**LANGUAGE PLAY IN POLITICAL DISCOURSE:
A MECHANISM FOR DECIPHERING THE RHETORICAL CODE**

The article analyzes the modeling of rhetorical codes in a political work under the influence of language play. The specificity of the rhetorical code as a system of signs forming the sensual perception of speech is conditioned by the rhetorical task of the speaker. The actor, encoding information, addresses it to the recipient, who, in turn, decodes the message and is oriented to the combinations of signs in the code. In many cases, a language game evolves into a sign of the code. In speech, the recipient attends to the incongruity with the language system, identifies the logically incorrect meaning, and becomes involved in the language game.

Key words: *rhetorical code, irony, contrast, allusion, language game.*

В науке последнее время интерес к языковой игре активизируется под влиянием масштабных исследований в области коммуникативистики, риторики, дискурсологии. Языковая игра неоднократно становилась объектом изучения в тесной связи с анализом рекламного и политического дискурса. Языковую игру следует трактовать широко, то есть как «креативную речедейательностную активность языковой личности» [1], «как определенный тип речевого поведения, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т. е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение» [2]. Интуитивно носитель языка сопоставляет речевые аномалии, искаженные структуры и стандартные, системные схемы высказываний. Возникает несоответствие между привычным восприятием формы или значения языковой единицы и новой обработкой этого знака. Считается, что «речевое противоречие – это источник и естественный результат развития языка» [3, с. 154]. При этом реципиента увлекает процесс разгадывания того, на чем зиждется языковая игра. В политическом дискурсе мотивированное отклонение от языковой нормы, являющееся результатом языковой игры, формирует интерес не столько к содержательной составляющей речи, сколько к личности говорящего. Актор, выступая транслятором политических идей, посредством нарушения привычной формы презентует себя. Языковая игра становится структурирующей основой риторического кода. Риторическим кодом мы называем «систему знаков, воздействующих на чувственное восприятие речи, отраженную в текстах, которые имеют жанровую и дискурсивную специфику» [4, с. 104]. Риторическое определение кода закрепляется и на основе эмоциональной оценки риторических приемов, и на основе риторической задачи говорящего, включающей в себя культурно-исторический бэкграунд [там же, с. 105]. Дешифрация кода позволяет выявить перлокутивный смысл высказывания, а следовательно, обнаруживает возможное изме-

нение между знаком и обозначающим. Слушающий, замечая несовпадение системно-семантических моделей, выявляет логически некорректный смысл и включается в языковую игру.

Например, однажды у президента России спросили о том, как следует модернизировать российскую экономику, какой стратегический план выбрать, он ответил: «Если б вы меня спросили, нужно ли делать **по Чубайсу**, я вам могу сказать – нет, делать нужно **по уму**». В данном случае обнаруживается аппликация смыслов: фразеологизм (*делать*) *по уму*, что означает ‘как полагается, на основе здравого смысла, разума’, и выражение *делать по Чубайсу*, то есть ‘по теории кого-то, по предложению кого-то’, противопоставлены, но интуитивно в силу сходной структурной схемы и повтора сочетания *делать по* идентифицируются как сходные. Смысловой оттенок противопоставленности, обусловленный построением предложения и фиксированный модальным словом *нет*, отражается в окказиональной противоположности лексем *Чубайс* – *ум*. Языкового выражения максимального различия в семантике этих слов не обнаруживается, *Чубайс* – имя собственное, значит, за этим словом закреплён конкретный образ. Здесь нужно учитывать особое отношение народонаселения к личности Анатолия Чубайса, который провел неоднозначные экономические реформы в девяностые годы: под его руководством прошла ваучерная реформа, он же осуществил электроэнергетическую инвестиционную реформу в 2008 году. В российском сознании Анатолий Борисович – виновник всех бед и страданий, поэтому его предложения и начинания оцениваются как неудачные. Таким образом, устанавливается факт окказионального «обновления» значения сочетания *по Чубайсу*, то есть ‘как не полагается, на основе бессмысленности, неразумности’. Языковая игра становится катализатором для дешифрации риторического кода ироничного контраста, который определяется на основе искажения словесного значения, обусловленного спецификой деятельности человека.

Довольно часто в основе языковой игры лежит двусмысленность, которая формируется при отклонении от логической и речевой нормы. В политическом дискурсе двусмысленность возникает в результате мотивированного нарушения, благодаря чему выражается субъективное мнение относительно определенных событий или явлений действительности. Например, стоит упомянуть известную эвфемистическую номинацию Юлии Тимошенко – *женщина с косой*. Например, по заголовку статьи «Женщина с косой» *желает правительству политической смерти*² можно понять, о ком пойдет речь в дальнейшем. Образ политика с узнаваемой прической сформировал некое ироничное восприятие деятельности Юлии Владимировны. В данном случае наблюдается аттракция значений омонимов: семантика слова *коса* как ‘заплетенные волосы’ «накладывается» на семантику ‘ручное сельскохозяйственное орудие для скашивания травы’ [5]. Нарушенная

---

² <https://www.pravda.ru/world/212612-kosa/>

семантическая однозначность усиливается апелляцией к устойчивому сочетанию *старуха с косой*, которое однозначно ассоциируется со смертью. Вероятно, актуализируется и мысль о кровавых последствиях многих политических событий в Украине в начале нового тысячелетия, в которых участвовала Тимошенко. Риторический код аллюзивной пейорации формируется в результате употребления данного эвфемизма в политической речи.

Иногда амфиболия как запланированная двусмысленность, выражает риторический код иронической аллюзии. Например, российский президент в ответ на реплику о пересмотре результатов выборов в Румынии пошутил: «Один кандидат не понравился власти, решили пересчитать голоса». Очевидным кажется намек на абсурдность самой процедуры пересчета, поскольку ставится под сомнение легитимность процедуры выборов и компетентность организаторов. Вероятность честного пересчета должна равняться нулю, иначе справедливо возникает идея государственного переворота. С другой стороны, двусмысленность в данном случае заключается в неоднозначном восприятии слова *власть*. Если речь идет о власти в данной стране, то выходит, что она не имеет права что-либо решать, ибо ее только предполагается выбирать. Возможно, намек адресован стране, привыкшей регулярно вмешиваться в дела управления других государств.

Продуктивным и распространенным инструментом реализации языковой игры является словотворчество, связанное с изменением словообразовательной структуры слова. Возникающие новообразования в речи представляют собой контаминационный процесс, как «словообразовательный коллаж» [1]. Такие слова отличаются «ярко выраженным оценочным характером» [6, с. 92]. Например: *Похоже у наших убежантов и иноагентов начинается новый этап страданий* («Аргументы и факты»). Игровая деривация в данном случае моделирует риторический код диатрибической иронии. Новообразование *убежанты* образовано по продуктивной модели с указанием на лицо, имеющее отношение к исполняемому действию или являющееся объектом действия, подобно словам *симулянт*, *арестант*, *экскурсант*. Кроме того, отмечается усиливающееся в СМИ значение суффикса *-ант-*: актуализация «лица в роли объекта действия, которое активизировалось в современном русском словопроизводстве» [7, с. 151]. Созданное слово является производным от глагола *убежать* в значении ‘покинуть кого-, что-либо, незаметно, тайком; сбежать’, указывающем на пейоративную оценку действия [5]. В данном случае убежантами называют тех, кто покинул пределы России с началом военной операции и, живя за рубежом, отказывается от родины. Политическое содержание статьи отражает общее представление о стихийных процессах, реализующихся в социуме в кризисной ситуации. Граждане, живущие в России, выражают осуждение тем, кто уехал, в том числе и с помощью словотворчества, ибо «в словообразовательно маркированных единицах языка прочитывается богатейшая информация о системе ценностей русского народа, раскрываются особенности его мировидения,

мирочувствования и мировосприятия» [8, с. 222]. В статье речь идет о дочери известного российского актера, которая улетела в Америку. Таким образом, реализуется воздействующий расширительный эффект текста статьи, поскольку через судьбу отдельной личности транслируется отрицательная оценка действий всех эмигрировавших.

В некоторых случаях языковые аномалии являются следствием языковой игры, направленной на отражение провокационных вопросов в адрес известных лиц. Так, например, ведущая телекомпании CNN Кристиана Аманпур задала министру иностранных дел РФ Сергею Лаврову вопрос о процессе по делу участниц скандальной группы Pussy Riot. Известно, что в предвыборный период девушки устроили неоднозначную акцию, названную как «панк-молебен», в Храме Христа Спасителя [9, с. 95]. Британская журналистка интересовалась, насколько вероятна деятельность подобных групп в предвыборной кампании Трампа (речь шла о первой кампании. – прим. автора). Лавров, понимая неприличный смысл иностранных слов и провокационную интенцию вопроса относительно темы вмешательства в выборы США, окказионально произвел вольную адаптацию слова *russy* в парадигматической системе русского языка. Сергей Викторович подчеркнул, что английский язык не является для него родным и что «*вокруг президентской кампании "много "руссей" с обеих сторон*» (цит. по «АиФ»). В результате ассимиляции реализовалась грамматическая форма существительного в родительном падеже «руссей» (по модели слов *будней, кеглей*) от транслитерированного слова *русси*, которое по закону аналогии совпадает с формой именительного падежа множественного числа слов *будни, кегли*. Риторический код отражающей аргументации, очевидно, демонстрирует эффект ложного непонимания смысла вопроса и вписывается в стратегию ухода от прямого ответа.

Подводя итог нашему рассуждению, подчеркнем, что языковая игра, формируя разные риторические коды в политическом дискурсе, позволяет эксплицитно выразить актору собственное отношение к происходящему в обществе. В современных условиях языковая игра способствует формированию политического имиджа, привлекает и удерживает внимание, а удачная шифрация риторических кодов определяет умение политика маневрировать в быстро меняющихся обстоятельствах. Реципиенты, принимая правила игры и дешифруя коды, становятся частью реализации большой стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 804 с.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
3. Массальская, Ю. В. Аномалии в рекламном тексте (на примере английского языка) / Ю. В. Массальская, А. В. Николаева // СИСП. 2023. – № 2. – С. 161–167.

4. Ступина, Е. С. Риторические коды антонимов в политическом тексте: биография эпохи (на основе работ В. И. Ленина «С чего начать?», «Что делать?») / Е. С. Ступина // Политическая лингвистика. – 2023. – № 4. – С. 103–108.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Норинт, 1998. – 1535 с.
6. Ильясова, С. В. Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ) / С. В. Ильясова // Медиалингвистика. – 2015. – № 1 (6). – С. 91–100.
7. Сенько, Е. В. Функциональный динамизм русского словообразования (на примере суффикса -ант в современном русском языке) / Е. В. Сенько, Т. Г. Цакалиди. – 2017. – № 12 (78): в 4-х ч. – Ч. 1. – С. 150–154.
8. Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – М., 1998. – 240 с.
9. Узланер, Д. Дело «Пусси райот» и особенности российского постсекуляризма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом / Д. Узланер. – 2013. – № 2 (31). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-pussi-rayot-i-osobennosti-rossiyskogo-postsekulyarizma> (дата обращения: 05.12.2024).